
СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

УДК 929АНДРИЕВСКИЙ:378.4(477.74-21):355.233

А. М. АНДРИЕВСКИЙ

Одесский национальный университет

СОБИРАЯ «КАМНИ»...

Часть третья

**ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОХОЖДЕНИИ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ 1975–1979 ГОДОВ
В ОДЕССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

(ПОСВЯЩАЕТСЯ 68 ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Приведены воспоминания о студентах и преподавателях военной кафедры Одесского государственного университета в связи с прохождением военной подготовки в период 1975–1979 годов. Даны литературные портреты отдельных лиц, описаны бытовые условия, а также освещены фрагменты из жизни упомянутых героев.

Ключевые слова: Одесский государственный университет, военная подготовка.

Ещё задолго до выхода в свет моих воспоминаний об однокурсниках мне неоднократно намекали на то, чтобы я написал нечто подобное о периоде военной подготовки, которую проходили в обязательном порядке студенты-юноши всех без исключения факультетов Одесского государственного университета, независимо от их физического состояния. Поначалу я эти неназойливые предложения не принимал всерьёз, задавая себе вопрос: смогу ли? Ведь всё, что с этим периодом связано, лежит на такой глубине памяти, что и достать нелегко, не имея под рукой ни конспектов, ни фотографий, ни одной строчки, которая бы послужила стимулом и разворошила бы

© Андриевский А. М., 2013 г.

На первой странице обложки:

КПП и здание бывшей военной кафедры Одесского национального университета. Апрель, 2013г.

Фото В. А. Лобкова

давно угасший костёр нашей «военки». Но, лиха беда – начало! Хрупкая, однако, инициативная мысль попала куда следует и стала притягивать к себе все нужные осколки памяти, объединять их в цельную картину. Что из этого вышло – не знаю, но, как минимум, эта третья часть превратит мои мемуары в своеобразную трилогию и придаст им завершённый вид.

Так вот! Начну с того, что в «советское» время практически во всех высших учебных заведениях существовали кафедры военной подготовки (а в средних школах это были классы начальной военной подготовки). Не могу сказать, когда и где они были открыты впервые, но в Одесском государственном университете военная кафедра в полную силу заработала с 1 сентября 1967 года. Говорят, что она существовала и в послевоенные годы, но позже была заменена на кафедру гражданской обороны. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев эти подразделения в вузах очень любил и оберегал, а мы – студенты – за это любили Леонида Ильича (впрочем, и не только за это!). Принцип был такой: поступил сразу после окончания школы в вуз – от армии освобождён, не поступил – служи отечеству рядовым или матросом и переноси все тяготы и лишения воинской службы, а потом будет видно: способен ли ты на что-то большее или нет. Конечно, по-другому складывалась жизнь у тех, кто по призванию поступал в военные и военно-морские училища...

Занятия по военной подготовке у студентов всех факультетов нашего университета начинались со второго курса обучения. Для нас – биологов, поступивших в 1974 году, они начались с сентября 1975 года. Сама военная кафедра находилась в двухэтажном здании по Шампанскому переулку, по соседству с университетским стадионом. Перед зданием был просторный двор с большим плацем и беседка-курилка с кучкой невзрачных остролистных клёнов (это сейчас они выглядят роскошными деревьями!). В годы моей учёбы здесь были выстроены несколько дополнительных помещений, в основном, силами студентов-строителей.

Расписание занятий было построено так, что на военную подготовку отводился целый день с 8 часов 30 минут утра до 18 часов вечера – один раз в неделю. В учебной программе предусматривались следующие предметы: уставная подготовка, строевая подготовка, тактическая подготовка, огневая подготовка, топографическая подготовка, техническая подготовка и основной предмет для биологов, геологов, химиков, историков, филологов и других – подготовка специалистов для войск «химической защиты». «Рабочий» день начинался с построения на плацу, переключки и развода групп (взводов) по учебным классам. Назначались дежурные и дневальные, в обязанности которых входила и уборка учебных помещений (классов) и двора.

Здесь уместно будет назвать имена всех, насколько мне удастся припомнить, сотрудников военной кафедры, которые являлись преподавателями не только наших групп, но и групп математиков и физиков, из которых готовили офицеров запаса для войск связи. Начальником (то есть заведующим) был полковник Комаров, его заместителем по учебной части (если не ошибаюсь) – подполковник Цесельский, начальником учебного цикла – подполковник Клёц; в число предметных преподавателей входили: майор Бойко, майор Вздыхалин, майор Полунин, майор Кальян, майор Шик, майор Хавер, капитан Верёвочкин (других, если они и были – не помню).

У всех преподавателей, видимо, было своё нелёгкое военное прошлое, поскольку наши ребята поговаривали, что на кафедру обычно попадали за особые заслуги перед Родиной. У всех была своя харизма: один был замкнут и хмур, другой – открыт и остроумен, позволял себе и анекдот травонуть, не стесняясь широкой студенческой аудитории. Прошлое, как прошлое, а вот будущее для некоторых оказалось куда более тревожным. Например, командира сняли с должности сразу же после трагической охоты на зайца, подполковник Цесельский перешёл работать в отдел кадров (в последний раз, примерно, за два месяца до смерти я его встретил 19 февраля 2011 года на праздничном обеде для ветеранов войны в студенческой столовой, куда меня пригласил профком университета; часа полтора я пел под гитару «военные» песни, потом беседовал с Владимиром Степановичем, и этот разговор оказался последним; добрый был человек, светлая

ему память). Недавно я узнал, что ушёл из жизни и майор Бойко Николай Исаакович – наш бывший «классный» руководитель.

На занятия требовалось ходить в форме: полагались брюки и китель «болотного» цвета. Эта одежда была изготовлена из хлопчатобумажной ткани и после первой же стирки сильно сбежалась, так что выглядели мы, как «подстреленные». Шили её, видимо, по специальному заказу и стоила она по тем деньгам не мало: 35 рублей. На последнем году обучения изуродованные «фирменные» брюки я поменял на настоящие, офицерские, из шерсти с лавсаном, которым сносу не было.

К занятиям относились серьёзно, по крайней мере, не срывали их проведение. На тактической подготовке изучали вооружение и структуру армий вероятных противников, к числу которых относились Соединённые штаты Америки, Федеративная республика Германия, Англия, Италия и Турция. Как-никак, из нас «делали» командиров взводов с воинским званием «лейтенант», и не зная тактические характеристики своего супостата – считалось делом позорным.

Но самыми интересными были уроки по стрелковой (огневой) подготовке (это дело я любил ещё в школе): устройство, разборка и сборка пистолета Макарова, автомата и ручного пулемёта Калашникова, ручного противотанкового гранатомёта и гранат. Каждый вид оружия требовал особого с ним обращения и тщательного ухода. Во время этих занятий в классе стоял специфический запах – вязкий дух ружейного масла. Незабываемое удовольствие мне доставляла разборка и сборка автомата: обычно я укладывался в 8 и 12 секунд; знал все детали от «мушки» до «антапки». На отдельных уроках изучали основы баллистики. На стрельбы ездили на кафедральных грузовых машинах марки «Урал» в с. Чабанку. На это уходил целый день и Николай Исаакович не оставлял нас ни на минуту: то ругал на чём свет стоит, то подбадривал, то шутил, и были моменты, что я бы точно с ним пошёл в разведку – надёжный был человек. А откуда он такой взялся – так я и не узнал. Роста среднего, коренастый, широкоплечий, с багровым обветренным лицом монголоидного типа, и говор у него был какой-то дальневосточный. А рассказчик какой!.. Знать бы мне тогда, что меня ждёт – я бы его непременно «допросил», а так приходится голословить.

Особое внимание уделялось практическим занятиям по средствам химической защиты. Сколько раз приходилось надевать на себя противогаз по неожиданной команде «Газы!», потом нырять в чулки из импрегнированной резины, прятаться в комбинезон и пялить рукавицы. И все твои действия сопровождал отвратный запах прелой гуммы и талька. В таких экстремальных условиях проявлялся характер каждого из нас: одни поступали по принципу: чем хуже – тем лучше, другим – всё было по «барабану», а третьи удручались и ныли от психологического шока. Были и четвёртые, к которым, наверное, относился и я. Они отличались примерной исполнительностью и ответственностью, придерживаясь правила из песни В. Высоцкого: «Если Родина в опасности – значит всем идти на фронт».

Торжественными событиями, связанными с периодом прохождения военной подготовки, были добровольно-принудительные акции сдачи крови. Строем вели нас в пятое общежитие университета и готовили к этой ответственной процедуре. С самого начала настраивали доноров на 250 миллилитров, а на самом деле сливали все 500, от чего у многих в голове мутилось от гиповолемического шока. Потом вялых парней поили крепким чаем с печеньем прямо в столовой общежития (правда, бесплатно). Кстати, выданная справка, подтверждающая донорство, освобождала нас от занятий на следующий день. Вот так!

Быстро пролетели студенческие годы, позади остались волнительное распределение по местам предстоящей работы и защита диплома, однако военная подготовка для будущих офицеров запаса не закончилась: всем нам предстояло пройти трёхмесячные учебные сборы в одной из войсковых частей Белгорода-Днестровского. Так оно и случилось: в назначенное время вся наша мужская орава отъехала электричкой от железнодорожного вокзала города-героя Одессы в направление славного города Акермана.

По прибытии в Белгород пешком добрались до воинской части, которая находилась на улице Энгельса, и разместились в огромной казарме. С этого момента и началась наша приближённая к боевым условиям жизнь. Проживающими в казарме оказались курсанты не всех факультетов: по традиции физики и математики (связисты) жили в палатках на берегу Днестровского лимана. В этом нам повезло, хотя были и свои недостатки. Например, дежурным приходилось ежедневно мыть огромной площади дощатый пол, выкрашенный в вызывающий красный цвет, и натирать его какой-то мастикой до блеска (хорошо, что не зубными щётками, как это практиковалось где-то в виде наказания!); в 6 часов утра, после жуткого вопля «Рота, подъём!» начинали заправлять постели и приступали к выравниванию «по нитке» поперечных белых полос на шерстяных одеялах по всему ряду кроватей; а наказанных курсантов ожидали замызганные умывальники и загаженные туалеты. Душевых и ваннных комнат не было (в связи с этим, один раз в неделю нас строем водили в местную баню и один раз в 10 дней, как положено по уставу, меняли постельное бельё).

Изредка давало ростки воровство: то простыня у кого-нибудь исчезнет, то полотенце, а то и часы (у меня через неделю спёрли электробритву). Кроме того, каждое утро, после ухода курсантов на занятия, местный старшина с нашими же дежурными перерывал все личные вещи в прикроватных тумбочках и конфисковывал все «неуставные» предметы, которые потом в лучшем случае можно было найти в коптёрке, но надо было ещё и уговорить коптёрщика.

В 22 часа – отбой, после вечерней прогулки на плацу с песней «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»... Пощады никто не желает!» (иногда её заменяли на «Как нынче собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...»). После того, как гасили свет, не все быстро успевали уgomониться. Тогда гремел голос известного «юриста» – старшины Бражника: «Рота, в люлю!». А, если это не помогало, тот же голос обращался в темноту с неизменным вопросом: «Кому не спится?». И, как эхо в горном ущелье раздавался утвердительный ответ, после чего казарма ненадолго затихала. И вдруг – тот же бас: «Дневальный!..»; и, чуть погодя: «... хрюкать!». Так вот: кому – война, а кому – мать родна.

Взвод наш напоминал сборную команду, в которой вынуждены были ужиться биологи, химики, историки и филологи. Из историков мне запомнились Юра Слюсарь (в настоящее время – заместитель директора Одесского краеведческого музея), Дима Кудиенко, Саша Малюкевич (ныне директор одной из одесских общеобразовательных школ), Самат Утениязов, Вова Ложкарёв, Саша Шайтан, Костя Коршунов, а из филологов – Володя Чеботарь (ушёл из жизни, находясь в послеоперационном шоке; я с ним тогда подружился и часто виделся, когда он уже работал преподавателем на кафедре французской филологии), Серёжа Кушко. Кроме того, попали «на заметку» и геологи из другого взвода: Саша Драгомирецкий и Володя Главацкий (в настоящее время они – преподаватели геолого-географического факультета нашего университета), а также некий Кульчицкий, считавший себя выше всех по званию (он был то ли сержантом, то ли старшиной), что давало ему право частенько уходить от «службы»; при этом он ссылался на хроническую боль в колене (а наши стёртые до крови ступни командиры в расчёт не брали).

Многие курсанты, ровняясь на офицеров, «квасили». Особенно отличались «юристы», за ними тянулись «историки», «филологи», «биологи». Гамулой пахло каждый вечер. Дело доходило и до гауптвахты (по-нашему «губы»), не говоря уже о нарядах вне очереди. Но и было с кого брать пример, следуя поговорке: «Офицер должен быть гладко выбрит и слегка пьян!» Вот один эпизод. 8 часов утра, построение «на развод». Один из подполковников подходит к нашему взводу, командир подаёт команду «Взвод, равняйся! Смирно!», и тут вставший прямо перед нами начальник учебной подготовки, выкатив налитые кровью глаза, выжимает из себя одно-единственное слово: «Уть!». До сих пор не могу сказать, что оно значило. А командир полка – майор Безобразов?.. Он и сейчас стоит передо мной мрачный, немногословный и очень требовательный по отношению к обслуживающему технику персоналу.

Были и среди курсантов-биологов «артисты». Вот один из них. Торчит, бедный, в шернговом строю в запыханных сапогах, в великоватой гимнастёрке, в пилотке, съехавшей на нос, в очках, а ремень свалился настолько низко, что бляха окурат достигла, чего хотела. Дав команду «Не шевелись!», подходит к нему генеральный «дирижёр» и спрашивает: «Как фамилия?». Тот отвечает: «Шубин». – «Что это у Вас за вид?». – «Извините – не успел...». – «Вы, товарищ Шубин, не курсант, а ренегат! Вас надо поднять... и опустить!». И всё это с таким рыком, что у всех дух захватило. Отсюда и кухонные наряды вне очереди пошли за пререкание с начальником и за дачу излишних пояснений. Я на кухне «сверхурочно» не работал, но мог себе представить весёлый денёк с 6 утра до 11 вечера (или ночи) с горой вымазанной комбижиром «люминовой» посуды и чанами из «чугуния». Но, к счастью, наш «биолух» был не единственным нерадивым курсантом, иначе бы он кухни не покидал. Во многом его даже превзошёл историк Котя – постоянно потный, с огромной башкой, в очках с толстыми линзами, упитанный, как «прапор», в засаленной влажной форме, с «хотимчиками» – гнойничками вокруг вечно открытого рта, у которого часто появлялись мухи. Не трудно представить себе этого кадра на полигоне, выполняющего упражнение «метание боевой гранаты». Известно, что наступательную «лимонку» с радиусом разлёта осколков до 60 метров надо забросить как можно подальше и тут же залечь пластом. Но это «чудо» после броска, что называется «под себя», осталось стоять, как вкопанное. Мы ему орём «ложись!», а он – «ноль на массу». Граната взорвалась. Слава Богу – все остались живы и невредимы. Один капитан наш вмиг обнаружил на себе повреждение: запал от гранаты прошёлся у него как раз между ног, пробив брюки насквозь и, к счастью, не задел жизненно важные органы.

Самым жестоким испытанием на этих сборах был марш-бросок на расстояние в 15 километров с километровым интервалом в противогазе. Жара стоит невероятная, а мы побежали. Выдержали, конечно, все, но каждый по-своему. Туже всего пришлось нашим курсантам Шубину и Коршунову: они всю дорогу хрипели и отставали, и я думал, что до финиша они доберутся мёртвыми. Ничего – обошлось – акклимались, но ещё долго не могли успокоиться.

Была и обкатка танками. Надо было скрыться в окопе, пропустить над собой 34-тонную ревущую махину, а потом запустить ей в корму, где находится двигатель, гранату (конечно, учебную). С этой задачей с горем пополам справились все.

Незабываемое удовольствие я получил от стрельбы очередями из крупнокалиберного пулемёта Владимирова, который обычно устанавливается в башне бронетранспортёра. Вот это был восторг! Подвижная мишень (так называемая «корова») на расстоянии около километра, наводка, оптическое прицеливание и чеканный бой оружия со звонкой россыпью латунных гильз... Здорово!

А вот стрельба из гранатомёта имела негативные последствия. Хотя и предупреждали нас офицеры о том, что во время выстрела рот надо держать открытым, это мало кому помогло. Хлопок был такой силы, что правое ухо заложило на дня три. У меня до сих пор оно плохо воспринимает высокие частоты, да и чувствует звуки хуже, чем левое. С «Макаровым» всё обошлось куда проще, хотя попадания в цель были редкими: без привычки удерживать в вытянутой руке 810 граммов железа, да ещё и с крепкой отдачей после каждого выстрела, оказалось нелегко.

Одним из зачётных упражнений было вождение бронетранспортёра. Так вот, кто-то из юристов на полном ходу сошёл с дороги и стал цеплять один за другим опорные бетонные столбики виноградника. Так и летел БТР метров триста, а нашему начальству после этого случая досталось «по первое число». В другой раз машину чуть было не перевернули, когда она сошла с трассы и застряла в глиняной насыпи с креном под 45 градусов. Мне в тот зачётный день удалось разогнать 11-тонную «железку» до 90 километров в час. Работали оба движка, и казалось, от вибрации машину разнесёт на запчасти. Но на середине маршрута страх уступил место азарту и, если бы поступила команда «К бою!» – я, не задумываясь, пошёл бы на врага. Некоторые парни наши имели опыт вождения, и им было легче; я же рулил впервые, хотя и изучал автодело со школьной скамьи.

1 июля 1979 года принимали военную присягу, клялись всегда быть верными защитниками Родины – Союза Советских Социалистических Республик (тогда никто не предполагал, что он легко распадётся через какой-то десяток лет и мы даже не попытаемся его спасти). К обеду приехали из Одессы моя жена и мама Юры Шубина. Решили пару часов провести на берегу лимана; поели домашних блюд, после чего долго разговаривали. Мы с женой нехотя расставались... День был солнечным, а на душе – тревога и смута от того, что думалось – видимся в последний раз. Оказалось – не в последний, но уже с тех пор семейное моё дело начало близиться к развязке. Примерно, через год моя, к счастью бездетная, семья разрушилась.

Через полгода, после окончания сборов (21 марта 1980 года) мне присвоили звание «лейтенант» (по-армейски – «литер») и я встал на воинский учёт в Жовтневом райвоенкомате города Одессы, а через два года меня «дёрнули» на двухмесячные «скачки» в с.Чабанку, но уже как офицера запаса. Жили в палатках в лесочке, недалеко от берега Чёрного моря. Там же переименовали мою специальность «войска химической защиты» в «мотострелковые войска». Командовал нашей бригадой майор Карамов. Занятиями он нас особо не утомлял и времени на отдых было более, чем достаточно. Самоподготовка проходила на каменистом берегу моря. Настоящий курорт. И, если бы не пьяные дебоши по ночам бывалых «партизан» после вечернего визита к бабе Уте, то можно было бы и не одну пару месяцев там провести. А так, хроническое недосыпание вызывало нервозность, и думалось: поскорей бы всё это закончилось. Выручали выходные дни: в субботу, а то и в пятницу вечером, я срывался в Одессу прямо в военно-полевой форме: в гимнастёрке, брюках-галифе, в пилотке и кирзовых сапогах, туго перетянутый ремнём с начищенной бляхой. Возвращался в воскресенье к вечерней поверке или в понедельник – к утреннему построению.

От строгого режима и перловой каши («дробь 16») с 30 граммами настоящего сливочного масла я стал поправляться, не смотря на волнения, вызванные переломным моментом в моей жизни накануне лета 1981 года. Для самоуспокоения брал с собой книги и в любой удобный момент, лёжа в палатке на металлической кровати, читал то Э. Л. Войнич «Овод» и «Оливия Лэтам», то У. Шекспира «Трагедии», то что-то ещё. Так я повысил свою боевую готовность. Больше меня на длительные сборы не привлекали по одной простой причине: в 1982 году в моей новой семье родилась дочь, а в 1984 – сын. Несколькими годами позже как-то вызвали меня на двухнедельные сборы от Ильичёвского районного военкомата. Они проходили в воинской части (улица Парашютная), которая находилась на месте ныне действующего рынка «Малиновский». Потом были какие-то формальные сборы на базе нашей военной кафедры, организованные для сотрудников университета моего возраста и на этом закончилась моя служба как офицера запаса. Но, как бы то ни было, – я всё же продвинулся по служебной лестнице: 22 августа 1985 года мне было присвоено очередное воинское звание старшего лейтенанта (по-армейски – «старлей»). Предлагали перейти на действительную службу в армию – не захотел. В то время я уже хронически и неизлечимо «болел» биологической наукой. Уже многие годы военные комиссариаты меня не беспокоят; скорее всего, меня отправили в отставку как вышедшего из призывного возраста. Это и хорошо, потому как о рождении в моей семье третьего ребёнка (2001 год) комиссарам я не сообщил, а за это полагается штраф, кажется, от 75 гривен.

Теперь – всё! Пожелание директора нашего зоологического музея – Владимира Алексеевича Лобкова, я, как мог, выполнил. К жанру «научных» воспоминаний вряд ли когда-нибудь вернуться, а посему и прощаюсь с тобой, дорогой мой читатель.

12 ноября 2012 года, город Одесса.

Поступила в редакцию 27.02.2013 г.